

УДК 811' 161

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Литвин И.Н.

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, г. Черкассы, Украина

Статья посвящена лингвокультурному исследованию сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния человека в русском, украинском и польском языках.

Ключевые слова: *фразеологизм, мотивация, когнитивно-ономасиологический анализ.*

Одним из знаковых репрезентантов этноса является фразеология, которая вбирает традиции народа, его культуру, наивные представления о мире. Фразеологические единицы сохраняют, по определению Е. А. Селивановой, «в устойчивой форме представления этноса о мире, культурную, историческую и мифологическую интериоризацию действительности и внутреннего опыта народа» [1, с. 11]. Фразеологизмы являются своеобразной этнокультурной рефлексией говорящего в коммуникативной ситуации, поскольку он сознательно или несознательно соотносит личное эмоционально-оценочное отношение и ценностную ориентацию с содержанием знака, а образное содержание оборота с эталонами и стереотипами национально-культурного восприятия и понимания мира [1, с. 9]. На современном этапе различным аспектам фразеологизмов уделяют внимание В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Е. А. Селиванова, В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев, Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гак, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Т. З. Черданцева и др.

Цель данной статьи – лингвокультурное исследование сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния человека в русском, украинском и польском языках. Данный класс единиц не являлся предметом комплексного когнитивно-ономасиологического исследования, что позволяет говорить о *новизне* работы.

На наш взгляд, основную роль в определении номинативной сущности фразеологической единицы может сыграть когнитивно-ономасиологический анализ, который позволит определить мотивационные особенности данного класса языковых единиц. Е. А. Селиванова отмечает, что когнитивно-ономасиологический анализ мотивационных процессов во фразеологии предусматривает два этапа: интерпретацию ономасиологической структуры оборота и концептуальное моделирование его мотивационной базы.

Для анализа мотивации фразеологизмов, вслед за Е. А. Селивановой, используем модель ментально-психонетического комплекса (концепта), которая включает структуру

истинностных знаний об обозначаемом (уровни диктума), его оценку (модус), ассоциативно-терминальный компонент, сформированный на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т.д. В зависимости от статуса фрагмента ментально-психонетического комплекса, который избирается в роли мотивационной базы фразеологизма, выделено пропозитивно-диктумную, ассоциативно-терминальную, интегративно-сравнительную, модусную и смешанную мотивацию фразеологических оборотов [1, с. 32; 2, с. 643].

Предмет нашего исследования – сравнительные фразеологизмы – являются знаками ассоциативно-терминальной сферы ментально-психонетического комплекса наряду с метафорически мотивированными. Однако операции сравнения и метафоризации отличаются друг от друга. Е. А. Селиванова отмечает, что фразеологизмы функционально базируются на сравнении как разграниченном соединении двух концептосфер, в отличие от метафоры, представляющей собой целостное сочетание [1, с. 52]. Разграничивает сравнительные и метафорически мотивированные фразеологизмы и А. И. Федоров, выделяя «три типа образного представления фразеологических значений: метафорический, метонимический и сравнительный...» [5, с. 15].

При образовании сравнительных фразеологизмов со значением психоэмоционального состояния используются средства сравнения с диктумным компонентом концепта-донора, операторами включения являются сравнительные союзы: русск. *как, как будто, словно, точно*; укр. *як, мов, немов, неначе, наче*; польск. *jak, jako*. Реципиентом сравнения выступает концепт ЧЕЛОВЕК, его психоэмоциональное состояние, а донором становятся различные концепты: ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, ПРИРОДА, ВЕЩЕСТВЕННЫЙ МИР и др.

Основным принципом сравнительного образования фразеологических единиц в русском, украинском и польском языках, обозначающих психоэмоциональное состояние человека, является *зооморфизм*. Человек рассматривает свое психическое состояние по аналогии с другими живыми существами: животными, птицами, рыбами, насекомыми и т.п. На базе сравнения концептуальных сфер ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ сформировались фразеологизмы: русск. *как собака* // укр. *як собака, як пес* // польск. *jak pies* [9, с. 314] – «очень сильно, до крайности (устал, надоел, злой)» [6, с. 442]; *как угорелая кошка* – «в исступление, бессмысленно (бегать, метаться и т.п.)» [6, с. 210]; польск. *biegać, latać jak kot z pecherzem* – «biegać szybko, perwowo» [9, с. 166]; русск. *тише мыши, как мышь (сидит)* укр. *як миша (сидить)* // польск. *cicho jak mysz pod miotłą* – «zachowywać się cicho, w obawie, żeby nie zwrócić na siebie uwagę» [9, с. 236]. В роли объекта сравнения выступает концепт РЫБА во фразеологизмах: русск. *как рыба в воде* // укр. *як риба в воді* // польск. *jak ryba w wodzie* [9, с. 398] – «свободно, непринужденно (чувствовать себя где-либо)» [6, с. 403]. В украинском языке это же значение имеет фразеологическая единица *як пташка в повітрі* (объект сравнения – ПТИЦА). Медлительного, вялого, неторопливого человека, делающего что-либо еле-еле [6, с. 256], в славянской фразеологии сравнивают с мухой: русск. *как сонная муха* // укр. *як сонна муха (як сонна, як сонний)* // польск. *jak senna mucha, jak mucha w smole* [9, с. 234].

Переинтерпретация знаков словосочетаний имеет, как правило, диффузную или диффузно-сценарную природу. Дж. Серль характеризовал диффузность как отсутствие алгоритма переноса. В. Н. Телия определяет такой комплекс ассоциаций как ассоциативный ореол [3, с. 37]. Е. А. Селиванова считает, что «диффузно-сценарная переинтерпретация фразеологизма характеризуется уподоблением когнитивного сценария реципиентной концептосцеры сценарию донорской» [1, с. 44]. Так, сценарий *отношение людей* уподоблен сценарию поведения животных во фразеологизмах: русск. *(жить) как кошка с собакой* // укр. *(жити) як кішка (кіт) із собакою* // польск. *(żyć z kimś) jak pies z kotem* [9, с. 167] – «в постоянной ссоре, вражде» [6, с. 210]; русск. *как с цепи сорвался* (вариативны сравнительные союзы *будто, словно, точно*) // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) з ланцюга (з прив'язі) зірвався* – «потеряв выдержку, самообладание, перестав сдерживаться, дошел до крайности в своих действиях, поступках» [6, с. 447].

Е. А. Селиванова отмечает, что большинство таких фразеологизмов используют в роли вспомогательного фрагмента модус ментально-психонетического комплекса, поскольку сфера ощущений и восприятий достаточно аксиологична и эмотивна [1, с. 49]. Модус – оценочный компонент ментально-психонетического комплекса – «применяется как мотивационный компонент при образовании большинства фразеологизмов, потому его можно назвать стержнем их образования» [1, с. 56]. В. Н. Телия подчеркивает, что оценочное отношение «наслаивается на дескриптивное отражение обозначаемого в виде модальной рамки, которая передает информацию о чувстве, отношении» [3, с. 5]: русск. *как [словно, будто, точно] муху проглотил* – «недоволен, имеет кислый вид» [6, с. 361], русск. *надулся как [будто, словно, точно] мышь на крупу* – «очень сильно обижен, сердит, недоволен чем-либо. О человеке, выражающем своим видом недовольство, обиду» [6, с. 262] // укр. *як жаба на купині* зі словом *надутися, напрудитися* дуже, надто («про пихату, набундючену людину») [7, с. 288]. Интересно, что в русской фразеологии образ недовольства ассоциируется с надутой мышью, в украинской – лягушкой. Не зафиксирован ни один фразеологизм с компонентом *жаба* во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (в разговорной речи встречается *жаба давит (задавила)*), чаще встречается этот компонент в польской фразеологии; а во фразеологических словарях украинского языка зафиксировано с данным компонентом значительное количество фразеологических единиц, имеющих отрицательную оценочность: *жаба цицьки (циці, пити) дасть, як у жаби пір'я* и др.

В роли сравнения выступают объекты растительного мира: назойливость у русских ассоциируется с баннным листом: *как [будто, словно, точно] банный лист пристал* – «неотвязно, назойливо, надоедливо» [6, с. 226]; у украинцев – с репеем или смолой: *(пристав) як реп'ях (до кожуха)* [7, с. 734] (*реп'ях* – в переносном значении: «причіплива людина» [7, с. 762]), *(пристав) як смола до воза, (пристав) як шевська смола* [7, с. 217]; у поляков – также с репеем: *(przyczepił się) jak rzep do psiego ogona* [9, с. 401]. Уставшего человека и русские, и украинцы сравнивают с выжатым лимоном: русск. *как выжатый лимон* // укр. *як видушений (вичавлений) лимон, як видушена (вичавлена) цитрина*; в польском языке *wycisnąć kogoś jak cytrynę* (jak gąbkę) – «wykorzystać kogoś całkowicie i bez skrupułów» [9, с. 560]. Вариативные объекты сравнения наблюдаются в различных языках во фразеологизмах со значением «краснеть»: русск. *красный как клюква (как рак)* //

укр. *червоний як (мов) буряк (рак)*. Особенно богат вариативный ряд в польском языке: *być czerwonym jak burak, rak, piwonია, indyk, upiór itp* [9, с. 24].

Во фразеологизмах со значением психоэмоционального состояния человека основой сравнения служат сенсорные процессы, например, вкусовые ассоциации высвечиваются во фразеологизмах: русск. *как горькая редька (хуже горькой редьки)* // укр. *як гірка редька (набриднути надокучити)* – «невыносимо, очень сильно надоест, осточертеть и т.п.» [6, с. 388] (ср.: польск. *mieć kogoś po same uszy* [9, с. 218]). Тактильные ощущения стали основой сравнения во фразеологизмах: русск. *как на [горячих] углях* // укр. *як на жару; як на гарячій сковорідці (сидіти)* // польск. *(siedzieć) jak na rozżarzonych węglach* [9; с. 393] – «в состоянии крайнего беспокойства, волнения (быть, сидеть, чувствовать себе и т.п.)» [6, с. 489]; русск. *как в воду опущенный* // укр. *як у воду опущений, як намочений (намоклий)* – «подавленный, чем-то угнетенный, удрученный» [6, с. 297]; русск. *как [будто, словно, точно] на иголках* // укр. *як на голках, як на шпильках, як на шпичках, як на терню, як на жару* // польск. *jak na szpilkach* [9, с. 461] – «в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства (быть)» [6, с. 177].

Основой сравнений становятся таксоны культуры ситуационной (сценарной) природы в следующих фразеологизмах:

русс. *как черт ладан* – «очень сильно бояться кого-либо или чего-либо» [6, с. 519]. Ладан – ароматическая смола, компонент христианских богослужений, используется в различных культурах, в том числе славянской, для выкуривания злых духов [8, с. 258]. С этим же значением употребляется польский фразеологизм *jak diabeł święconej wody, а также Bać się (kogoś, czegoś) jak (morowej) zarazy, jak ognia;*

русс. *как маслом по сердцу* // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) маслом (медом) по душі (по серцю, по губах)* – «очень приятно, доставлять большое удовольствие, наслаждение» [6, с. 238]. Использован модус положительной оценки и прототип *масла* – символа зажиточности, богатства в славянской культуре (ср.: русск. *как по маслу, как сыр в масле кататься*; укр. *як вареник у маслі*; польск. *jak rączek w maśle (czuć się)* [9, с. 305]);

русс. *как у себя дома* // укр. *як удома (бути почувати себе)* // польск. *(czuć się, zachowywać się) jak (u siebie) w domu* [9, с. 66] – «непосредственно, свободно, без стеснения (чувствовать)» [6, с. 143]. В славянской культуре понятие *дом* намного шире, чем в других культурах: для славян это прежде всего домашний очаг, символ тепла, уюта, защищенности, сокрытости от чужого глаза [4, с. 66].

Основой сопоставления сценариев концептосфер ДЕРЕВО – ЧЕЛОВЕК во фразеологизмах: русск. *как осиновый лист (дрожит, трясется)* // укр. *як (мов, неначе, немов, наче) осиковий лист (осикове листя, осичина) тремтить (дрижить)* // польск. *(trząść się, drżeć) jak liść (osiki)* [9, с. 194] – «очень сильно дрожит, трясется, обычно от волнения, страха и т.п.» [6, с. 226] – служит один из вариантов христианской легенды: 1) узнав, что крест для распятия будет сделан из осины, ее листья задрожали от ужаса; 2) узнав о распятии, все деревья склонили верхушки, одна осина стояла ровная, за это ее листья все время вынуждены дрожать [см.: 8, с. 354].

Интегративно-сравнительная мотивация может соотноситься с гиперболой и мейозисом, «которые повышают экспрессивность оборотов на фоне неожиданного, парадоксального соединения образов, чувств, сценариев поведения» [1, с. 50]: русск. *как будто [будто, словно, точно] гора с плеч (с сердца, с души)* // укр. *як камінь з*

серця (з плечей, пліч) спав (звалився); як гора с плечей звалилася (спала) // польск. *kamień (ciężar) spadł z serca (z piersi)* [9, с. 429] – «рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей» [6, с. 116].

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать *вывод* о подобных базовых механизмах переинтерпретации знаков словосочетаний в русском, украинском и польском языках: сценарно-диффузной природе сравнений, основывающихся на принципах зооморфизма, природо- и бытоцентризма; о сенсорной базе порождения психоэмоционального состояния; выявить стереотипы сценарных структур этносазнания, которые служат фразеологической номинацией эмоций, чувств в исследованных славянских языках. Контрастивное изучение славянских языков – перспективное направления исследований.

Список литературы

1. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – К. – Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
2. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: [термінологічна енциклопедія] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
3. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26-52.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 2004.
5. Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1980.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
7. Фразеологічний словник української мови / Уклад. : В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наукова думка, 1993. – 984 с.
8. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 495 с.
9. Słownik frazeologiczny PWN // Opracowanie Anny Kłosińskiej. – Wydawnictwo naukowe PWN. – Warszawa, 2010. – 654 s.

Литвин І. М. Контрастивне дослідження фразеологізмів психоемоційного стану в лінгвокультурному аспекті // Ученіе запіскі Таврічского національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.372-376.

Статтю присвячено лінгвокультурному дослідженню порівняльних фразеологізмів із значенням психоемоційного стану людини в російській, українській і польській мовах.

Ключові слова: *фразеологізм, мотивація, когнітивно-ономасіологічний аналіз.*

Litvin I. Contrastive linguistic-cultural analysis of idioms denoting emotional state // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.372-376.

The article provides linguistic-cultural analysis of comparative Russian, Ukrainian and Polish idioms denoting emotional state of a person.

Key words: *idiom, motivation, cognitive-onomasiological analysis*

Поступила в редакцію 06.04.2011 г.